

misterium

misterium

**ЛИНДСИ
ФЭЙ**

ПРАХ И ТЕНЬ

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Ф 98

Lyndsay Faye
DUST AND SHADOW

Copyright © 2009 by Lyndsay Faye

Фэй Л.

Ф 98 Прах и тень / Линдси Фэй ; [пер. с англ. М. Абушик]. — М. : Эксмо, 2013. — 416 с.

ISBN 978-5-699-65634-9

С таким трудным делом великому сыщику мистеру Шерлоку Холмсу сталкиваться еще не доводилось. Настоящим испытанием для его дедуктивного метода стала серия загадочных и жутких убийств, потрясших Лондон, а с ним и весь мир в 1888 году. Их совершил самый знаменитый маньяк всех времен и народов, которого навеки запомнили как Джека Потрошителя. Этот неуловимый убийца совершенно нелогичен, а его преступления непредсказуемы. Маньяк живет и творит свои злодеяния в глубокой тени. Мало того, он решился бросить персональный вызов самому Холмсу, затеяв с ним смертельную игру. Он всегда опережает знаменитого детектива на один шаг. Он дьявольски ловок, хитер и коварен. Вычислить и поймать его стало для Холмса делом чести. Ведь цена каждой его ошибки — еще одна человеческая жизнь...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-65634-9

© Абушик М.В., перевод на русский язык, 2012
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2013

История с Джеком Потрошителем оставила в душе моего друга Шерлока Холмса глубокую рану. Весь Лондон тогда пребывал в смятении. Почти всякий раз, когда я входил утром в комнату Холмса, он лежал на диване после бессонной ночи. В ногах была скрипка, на полу валялся выпавший из длинных пальцев шприц для подкожных инъекций, но никакое снадобье не могло изгнать из памяти Холмса призрак человека, которого мы безуспешно пытались поймать вот уже больше двух месяцев. Насколько хватало сил, я заботился о здоровье друга. Увы, мне плохо удавалось рассеять ужас, охвативший нас после того, что произошло. Я разделял страдания Холмса, и мне было нелегко рассеять мучавшие его сомнения. Этому гениальному человеку, несмотря на те невероятные усилия, что он предпринимал, казалось: он сделал не все, на что способен.

Однажды меня посетила мысль: надо бы занести случившееся с нами на бумагу — не для публикации, конечно, а чтобы осмыслить события и хоть немного унять душевное смятение. Помню, как измучили меня попытки запечатлеть для истории события, про-

изошедшие у Рейхенбахского водопада¹. И в этот раз стоило взяться за перо, как ужасная тяжесть наваливалась на меня. Трудные были дни. Не раз и не два, когда дел накапливалось столько, что игнорировать их было уже никак невозможно, Холмс говорил, облокачиваясь на мой письменный стол:

— Давайте займемся Тарлингтоном вместе. А о том деле вам вовсе нет нужды писать, дружище. Мир уже не помнит о нем. Настанет день — и мы тоже забудем.

В этом Шерлок Холмс заблуждался, что случилось с ним крайне редко: мир до сих пор не забыл о Джеке Потрошителе. Редкий мальчик, сколь бы ни был он храбр, не испытывает холодка страха, когда взрослые тревожат в своих разговорах ужасный призрак этого злодея.

Я заканчивал эту хронику, стараясь излагать факты в спокойном, размеренном тоне, как и пристало биографу. Это было много лет назад, когда участие Холмса в деле Джека Потрошителя многие еще оспаривали. Однако затем о нашей роли в расследовании этих злодеяний почти вовсе перестали упоминать. Лишь безусловно удачно завершенные моим другом дела вызывали славословие публики. Если же рассказ не имеет конца, то это и не история вовсе, по-

---

¹ Сэр Артур Конан Дойл был так впечатлен величиим Рейхенбахского водопада, что сделал его декорацией к одной из самых эффектных сцен детективов о Шерлоке Холмсе. Здесь якобы погиб великий сыщик, врукопашную сражаясь с гением преступного мира, воплощенным злом — профессором Мориарти. Но, как мы знаем, к счастью, Шерлок Холмс остался жив. Рейхенбахский водопад услужливо предоставил ему свои уступы и не дал сорваться в водную пучину. *(Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания переводчика.)*

этому для всего Лондона загадка Джека Потрошителя так и осталась абсолютной тайной.

Возможно, я действую против собственных интересов, однако не в силах заставить себя сжечь записи о расследовании, которое мы проводили вместе с Холмсом. Я намереваюсь препоручить эти бумаги, включая и данное письмо, заботам своего искушенного адвоката. Впрочем, у меня нет абсолютной уверенности, что мое пожелание никогда не публиковать эти записи будет выполнено, сколь бы энергично я на нем ни настаивал. Рассказанная мной история далеко превосходит наши обычные представления о границах человеческого злодейства, поэтому меня трудно обвинить в приукрашивании или желании произвести сенсацию. И все же очень хотелось бы, чтобы к тому времени, когда читатель ознакомится с этими страницами, память о Джеке Потрошителе стала бы легендой былых времен, менее справедливых и более жестоких.

Единственной причиной, заставившей меня написать все это, было искреннее восхищение несравненными талантами и высокими стремлениями, отличавшими моего друга более чем полвека назад. И все же должен с удовлетворением заметить, что уже теперь благодарные потомки отвели великому Шерлоку Холмсу достойное его место в истории. Это случилось сейчас, когда я пишу эти строки, предчувствуя, что близится новая война, которая принесет еще один прилив вселенского горя.

Д-р Джон Г. Уотсон, июль 1939 г.

Пролог

Февраль 1887

— Мой дорогой доктор, боюсь, сегодня вечером мне потребуется ваша помощь.

С неммым вопросом во взгляде я поднял глаза от статьи о местных выборах в «Колуолл Газетт».

— Я в вашем распоряжении, Холмс.

— Одевайтесь потеплее. Барометр не сулит сильных атмосферных возмущений, но ветер прохладный. Буду вам признателен, если не забудете положить в карман револьвер. Это очень веский аргумент, к тому же осторожность никогда не помешает.

— Вы, кажется, говорили за обедом, что мы вернемся в Лондон утренним поездом?

Шерлок Холмс загадочно улыбнулся сквозь тонкую пелену табачного дыма, неизменно клубившегося вокруг его кресла в нашей со вкусом обставленной гостиной.

— Если речь идет о моем замечании, что в городе у нас будет возможность поработать гораздо более продуктивно, чем здесь, в Херефордшире, то это действительно так. В Лондоне нас ждут три дела, в разной степени интересные.

— А пропавший бриллиант?

— Я уже разгадал его тайну.

— Дорогой Холмс! — воскликнул я. — Поздравляю вас. Но где же он тогда? Сообщили ли вы о своей находке лорду Рамсдену? Послали весточку в гостиницу инспектору Грегсону?

— Друг мой, я сказал, что разрешил загадку, но вовсе не имел в виду, что все устроил. — Холмс рассмеялся, поднимаясь с кресла, чтобы выбить трубку о каминную решетку. — Эта работа нам еще предстоит. Что касается дела, оно не было особенно таинственным, хотя и повергло в смущение нашего друга из Скотланд-Ярда.

— И все же теряюсь в догадках, — признался я. — Кольцо, украденное из фамильного склепа, абсурднейшим образом отсутствующий клочок лужайки в южной части имения, трагическое прошлое барона...

— Мой дорогой Уотсон, вы обладаете определенного рода талантом, но удивительно редко им пользуетесь. Вы только что перечислили самые главные обстоятельства дела.

— И все же должен признать, что остаюсь в полнейшем неведении. Собираетесь ли вы сегодня вечером встретиться лицом к лицу с преступником?

— Никакого фактического правонарушения пока что не случилось. Но мы сделаем все от нас зависящее, чтобы увидеть преступление в момент его совершения.

— В момент его совершения?! Что вы имеете в виду?

— Ограбление могил, если чутье мне не изменяет. Встретимся у дома в час ночи: к этому времени служители кладбища уже будут спать. Постарайтесь, чтобы вас никто не увидел. Не опаздывайте: это может навредить делу.

С этими словами Холмс проследовал в свою спальню.

Без десяти час я покинул особняк, тепло одевшись. Ночь была холодной, и звезды отражались в инее на траве. Я без труда нашел своего друга: он вышагивал по ухоженной с почти континентальной тщательностью садовой дорожке и был явно впечатлен панорамой прекрасно видных этой ночью созвездий, усеявших небо. Я прочистил глотку. Шерлок кивнул и приблизился ко мне.

— Мой дорогой Уотсон, — сказал он негромко, — значит, вы тоже предпочли риск простудиться перспективе остаться вдали от Мэлверн-Хиллз этой ночью? Наверное, нечто подобное пришло в голову вашей экономке?

— Не думаю, что миссис Дживонз бодрствует и способна это предположить.

— Чудесно. Тогда пройдемся быстрым шагом, чтобы немного согреться.

Мы направились по тропинке, которая сначала вела в глубь сада, а потом повернула в сторону близлежащих утесов. Вскоре Холмс провел меня сквозь заросший мхом лес, и мы покинули границы имения Блэкхит-хаус. Не зная цели нашей прогулки и чувствуя себя от этого крайне неудобно, я не удержался от вопроса:

— Вы как-то связываете ограбление могилы с недавно украденной фамильной драгоценностью?

— Почему вы решили, что недавно? Как вы помните, мы мало что знаем о времени ее исчезновения.

Я задумался. Мое дыхание образовывало в воздухе причудливые облачка.

— Согласен. Раз речь идет об ограблении могил, мы можем скорее не дать свершиться преступлению, чем обнаружить его.

— Едва ли.

Хотя я и привык к чрезмерной скрытности Холмса на заключительной стадии расследования, его безапелляционность действовала мне на нервы.

— Не сомневаюсь, что очень скоро вы разьясните мне, что значит этот странный акт кладбищенского вандализма.

Шерлок бросил на меня быстрый взгляд.

— Сколько времени вам потребуется, чтобы вырыть могилу?

— В одиночку? — Я пребывал в затруднении. — Если очень спешить, хватит и дня.

— А в обстановке полной секретности?

— Полагаю, это заняло бы еще несколько дней, — сказал я нерешительно.

— Наверное, столько же времени нужно, чтобы раскопать захоронение. А ваша природная сметка могла бы сделать это скрытно от посторонних глаз.

— Холмс! — Я чуть не задохнулся от осевшей меня догадки. — Вы хотите сказать, что отсутствующий клочок дерна...

— Тсс! — прошептал он. — Вот. Видите?

Мы забрались на гребень поросшего лесом холма примерно в полумиле от имения и теперь рассматривали неровную лошину, образующую одну из границ расположенного невдалеке города. Холмс указал пальцем:

— Смотрите на церковь.

В дрожащем лунном свете я с трудом различил среди кладбищенских деревьев сгорбленную фигуру. Человек бросал последние комья земли на могилу с миниатюрным надгробным камнем в изголовье. Вытерев лоб тыльной стороной ладони, он направился в нашу сторону.

— Это и есть лорд Рамсен, — пробормотал я.

— Назад, за гребень холма! — скомандовал Холмс, и мы отошли в кусты. — Он почти закончил... Должен признаться, Уотсон, в этом деле мои симпатии полностью на стороне преступника, но вам следует сохранять объективность и в своих суждениях полагаться только на себя. Я намереваюсь предстать перед бароном в одиночку. Будем рассчитывать на то, что он окажется разумным человеком. Если же нет... А сейчас пригнитесь, да поскорее! Ни звука!

Присев на камень, я нащупал револьвер в кармане пальто. Чиркнула спичка, донесся запах сигареты Холмса, затем я услышал негромкий звук шагов по склону холма. Холмс выбрал укрытие с чрезвычайной тщательностью: скала закрывала меня от посторонних глаз, но в расщелину между ней и прилегающим валуном я мог наблюдать за происходящим.

Выйдя на гребень холма, барон оказался в поле моего зрения. Он тяжело дышал, хватая воздух, лицо его блестело от пота, несмотря на мороз. Бросив взгляд на расстилающийся перед ним лес, он остановился, охваченный страхом, и вытащил пистолет из кармана подбитого мехом пальто.

— Кто идет? — спросил он скрипучим голосом.

— Лорд Рамсен, это я, Шерлок Холмс. Мне надо поговорить с вами.

— Шерлок Холмс! Что вы здесь делаете в такой час?

— Я мог бы спросить вас то же самое.

— Полагаю, это не ваше дело, — огрызнулся барон, но в голосе его прозвучали панические нотки. — Я нанес визит другу...

Холмс вздохнул:

— Не могу допустить, чтобы вы лжесвидетельствовали подобным образом. Я знаю, что ваша сегод-

нышняя миссия имеет отношение скорее к мертвым, чем к живым.

— Откуда вы это знаете? — спросил барон.

— Мне все известно.

— Выходит, вы обнаружили ее могилу.

Пистолет, направленный в землю, сильно дрожал в руке лорда, описывая небольшие круги, словно он не знал, как им пользоваться.

— Я нанес туда короткий визит нынешним утром, — признался Холмс. — Вы сами сказали, что любили Эленору Роули. И поступили очень разумно, сообщив мне это: все равно после ее смерти не удалось бы утаить ваши многочисленные встречи и оживленную переписку.

— Да, я все вам рассказал!

— Вы мастерски вели свою игру с того момента, когда ваши близкие обнаружили пропажу кольца, — продолжал мой друг, не сводя гипнотического взгляда серых глаз с лица барона. При этом все внимание Холмса, как, впрочем, и мое, было приковано к пистолету. — Вы просили меня и доктора Уотсона действовать полиции, настаивая при этом, чтобы мы оставались в Блэкхит-хаус, пока все не утрясется. Мои комплименты вашему профессионализму.

Глаза барона сузились от ярости.

— Я был с вами откровенен, проявив всю мыслимую учтивость к вам и мистеру Уотсону. Зачем же вы тогда пришли на ее могилу?

— Лишь потому, что вы утверждали, будто не знаете, где она.

— А что мне было делать? Да, она составляла для меня целый мир, но... — Он сделал паузу, пытаясь справиться с чувствами. — Наша любовь была ревностно охраняемой тайной, мистер Холмс. Я и так

достаточно унизил себя, рассказав о ней наемному детективу.

— Люди вашего положения обычно избегают болезненных тем личного свойства, беседуя с посторонними, — продолжал детектив. — Во время нашей первой беседы в Лондоне вы, очевидно, решили: если выложить начистоту все сразу, я утрачу интерес к делу. Ваша тактика позволила бы вам завершить намеченное, если бы вам попался менее дотошный исследователь. Однако даже ваши рассказы о нахальных деревенских мальчишках, бесчинствующих по ночам на кладбище, оказались похожей на правду выдумкой. Впрочем, я многое понял, увидев в воскресенье вечером, в каком состоянии ваша одежда.

— Как я уже говорил вам, моя собака погналась за фазаном и попала в капкан, поставленный кем-то из жителей деревни.

— Я бы поверил этому, если бы в грязи были перемазаны только ваши брюки, — терпеливо разъяснил Холмс. — Но больше всего были испачканы предплечья, как это бывает, когда человек опирается на локти, чтобы выбраться из ямы глубиной примерно в его рост.

Рамсден поднял пистолет. Глаза его горели безумием, но Холмс спокойно продолжал:

— Вы так страстно любили Эленору Роули, что извлекли свадебное кольцо своей бабушки из семейного склепа. Рассчитывали сделать это в полной тайне: едва ли кому-нибудь, кроме вас, придет в голову разрывать могилу. Вы подарили кольцо мисс Роули, твердо намереваясь жениться на этой дочери местного торговца, чья красота, как мне говорили, сравнима разве что с благородством ее души.

Взгляд барона затуманился, а голова едва заметно поникла, однако пистолет по-прежнему был направлен на Холмса.

— И конечно, сделал бы это, не разлучи меня с ней судьба.

— Сегодня утром я имел долгий разговор с бывшей служанкой мисс Роули. Ваша возлюбленная, заболев, сообщила вам в письме, что уезжает лечиться на континент вместе с родителями.

— Врачи ничего не сумели сделать, — признался барон, нервно стиснув пальцы свободной руки. — После ее возвращения тяготы путешествия ускорили ход болезни. Она тайно известила меня, что ее любовь ко мне неизменна со времен нашего детства. Отец Эленоры поставлял нашей семье галантерейные товары... Через три дня она... — Он весь содрогнулся от невыносимого страдания, прижав руку ко лбу. — Ничто не могло быть хуже случившегося, даже моя собственная смерть.

— Как бы там ни было, леди умерла, — заметил мой друг с сочувствием, — а вы так сильно горевали, что не сразу поняли: она вшила ваш залог любви в подкладку погребального одеяния. Обретя способность трезво мыслить, вы, несомненно, осознали, что ваша фамильная драгоценность безвозвратно утеряна.

— Я тогда сам занемог: совсем лишился разума. Большую часть месяца я был лишь бледной тенью себя прежнего. Полностью утратил интерес к чему-либо, — равнодушно констатировал барон. — Тем временем сумасбродства брата следовали одно за другим, как дни в календаре, а наша семья оказалась вовсе не столь богатой, как представлялось моей матери.